

Svetlana Machovska – dr., Valstybinio kultūros paveldo apsaugos nuo technogeninių katastrofų mokslinio centro direktoriaus pavaduotoja, Ukrainos Polesės liaudies kultūros muziejaus-archyvo vedėja.

Adresas: вул. Вишгородська, 21, м. Київ, 04074, Україна.

Tel. +38 066 724 54 23.

El. paštas: mahovskasl@ukr.net

Svitlana Makhovska: Dr., Head, Ukrainian Polissia Folk Culture Museum-Archive; Deputy Director, Scientific Centre for Cultural Heritage Protection from Technogenic Catastrophes.

Address: Vyshghorodska str., 21, Kyiv, 04074, Ukraine.

Phone: +38 066 724 54 23.

E-mail: mahovskasl@ukr.net

Svetlana Machovska

Valstybinis kultūros paveldo apsaugos nuo technogeninių katastrofų mokslinis centras, Ukrainos Polesės liaudies kultūros muziejus-archyvas

Государственный научный центр защиты культурного наследия от техногенных катастроф, Музей-архив народной культуры Украинского Полесья

МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕЛА ВЕРЕМИЕВКА ЧЕРНОБАЕВСКОГО РАЙОНА ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ: ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Anotacija

Straipsnyje nagrinėjama autorės surinkta lauko tyrimų medžiaga apie gimtųjų papročius Veremejevkos kaime (Ukraina, Čerkasų sritis). Surinkti duomenys apie papročius ir tikėjimus, susijusius su besilaukiančiosios elgsena, gimdymu, laikotarpiu po gimdymo. Straipsnyje gretinami tradicinio laikotarpio ir šiuolaikiniai ukrainiečių gimtųjų papročiai.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: gimtųjų papročiai, tikėjimai, draudimai, monografinis tyrimas.

Abstract

Field section for the delivery ceremonies village Veremiivka Chernobai District, Cherkasy Region of Ukraine allows to conclude that the individual local community ritual actions and folk beliefs associated with the birth of the child, with the all-Ukrainian tradition. At the same time, it is possible to ascertain the presence of a number of locally-territorial peculiarities that distinguish itself Veremiivka's maternity rite among others. In addition,

the opportunity to interview a significant number of inhabitants of the village for the study enabled the implementation of a quality slice of existence of traditional birthing rituals and its transformation that allows you to make a monographic study of certain areas.

KEY WORDS: maternity ritual, sign, prohibition, ritual, beliefs, monographic study.

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v22i0.1622>

В цикле семейной обрядности рождение ребёнка занимает одно из ключевых мест. Так же, как и создание семьи (что демонстрирует свадебная обрядность), появление на свет младенца в украинской традиции сопровождается рядом ритуально-магических акций, локальные особенности которых нуждаются в комплексном изучении не только в региональном масштабе, но и в пределах одного села.

Монографическое изучение села как направление сбора этнографических материалов формируется в середине XIX в. В 1920-х гг. его активно развивают сотрудники Этнографической комиссии Украинской Академии Наук. Применяя методику стационарного исследования, они смогли собрать и упорядочить этнографический материал, который является бесценным источником для исследователей-этнологов. Также были предприняты попытки опубликовать комплексное исследование села, но эти замыслы прервали репрессии 1930-х гг. В послевоенные годы украинские этнографы продолжали проводить стационарные исследования, но со второй половины 1960-х гг. этот метод почти не используется учёными¹. Украинское село как аутентичный способ существования украинского народа подпадает под влияние глобализационных процессов и теряет любые культурно-духовные особенности и всё больше вытесняется в маргинальную плоскость. Поэтому исследования культуры и быта жителей украинского села на современном этапе развития науки являются первым шагом к его возрождению.

Узколокальные исследования родильной обрядности были предметом научных студий в разные исторические эпохи как в Украине, так и за её пределами. В частности, среди подобных работ начала XX в. встречаем труд З. Кузели «Дитина в звичаях і віруваннях

¹ Детальнее про историю монографического изучения села в украинской этнологии смотри: Бех Н. Монографічне вивчення села в етнології: історія та подальші перспективи. *Збірник наукових праць. «Історія та географія»*. Харківський національний педагогічний університет ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2012. – Вип. 45, 35–40.

українського народу. Матеріали з Полудневої Київщини» (Дитина... 1906), в основу которого положены материалы, собранные Марком Грушевским. Приблизительно в это же время появляются работы М. Смирновой «Родильные и крестильные обряды крестьян села Голицына Курганской волости Сербского уезда Саратовской губернии» (Смирнова 1911), В. Кравченко «Звичаї в селі Забрідді та по деяких інших, недалеких від цього села місцевостях Житомирського повіту на Волині. Етнографічні матеріали...» (Кравченко 1920) и др. Изучению обрядов и обычаев, связанных с рождением ребёнка, в пределах небольших ареалов посвящены также и труды ученых XXI в., среди которых «Дитина в обрядах і звичаях на Хустщині і Мукачівщині (із експедиційних матеріалів)» Е. Гаевой (Гайова 2005) «Баба-повитуха у селянському житті галицької Волині у XIX – першій половині XX ст. (за матеріалами із с. Синькова та присілка Діброви Радехівського району)» И. Гилевича [6] и т. п.

Не являются исключением и стационарные экспедиционные выезды, которые сегодня продолжают организовывать сотрудники разных научных организаций. Так, группой учёных Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского Национальной академии наук Украины (далее – ИИФЭ) в 2013 году было осуществлено монографическое исследование с. Веремиевка Чернобаевского р-на Черкасской обл. Целью экспедиции было зафиксировать современное состояние украинского этнокультурного наследия, проследить трансформацию явлений народной культуры, в том числе родильной обрядности, под влиянием социальных факторов, определить глубину исторической памяти народа.

Веремиевка – типичное казацкое село Средней Надднепрянщины, известное своей беспокойной историей, национально-освободительными движениями 1920-х гг., пополнившее в XX в. список затопленных сёл Украины. Непосредственно перед затоплением, в 1955 и 1960 гг., тут работала экспедиция ИИФЭ под руководством фольклориста Фёдора Лаврова, материалы которой сохраняются в архиве Института². Позднее попытки зафиксировать уровень сохранности культуры села после затопления не предпринимались, хотя были

² Подробнее об истории изучения с. Веремиевка и о результатах экспедиции 2013 г. смотри: Бех Н. Козацьке село Вереміївка: спроба монографічного дослідження /

все основания предполагать, что попавшие в список затопленных населённые пункты вполне можно считать пережившими катастрофический опыт, который существенно повлиял на этнокультурное наследие территории.

Мониторинг Интернет-контента дает возможность констатировать тот факт, что понятие «катастрофический опыт» и «антропология катастрофы» для обозначения научного направления в украинском информационном поле практически отсутствует. Очевидно, это связано с тем, что на протяжении длительного времени этнологическая наука занималась решением ряда задач по обозначенной проблематике, которые, к сожалению, воспринимались как нечто отдельное от неё. Единственная тема, которая чаще всего ассоциировалась с катастрофическим дискурсом – это авария на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г. (г. Чернобыль, Иванковский р-н, Украина) и её последствия для этнокультурного наследия Украинского Полесья. Если же исследователи осуществляли фиксацию сведений о Голодоморе 1932–1933 гг., о Второй мировой войне или о затопленных сёлах, то они отнюдь не воспринимали тематику своих опросов как «антропологию катастрофы». Не наталкивало на эту мысль даже сходство вопросов, которые исследователи ставили в «поле» своим респондентам: «Снились ли Вам накануне Второй мировой войны сны, которые предвещали беду?» – «Снились ли Вам сны, которые были предвестниками аварии на Чернобыльской АЭС?» или «Как Вы адаптировались к новым условиям проживания после затопления села во время строительства гидроэлектростанции?» – «Трудно ли Вам было организовывать свой быт после выселения за пределы “зоны отчуждения”?».

Поэтому становится понятной заинтересованность украинских учёных антропологией катастрофы именно сегодня, когда этнология пытается выйти за пределы, предписанные ей дискурсивными практиками предыдущего века. Ведь в современной гуманитаристике отсутствует интегративный взгляд на это направление как на отдельную научную проблему. В украинских научных исследованиях понятие «антропология катастрофы» на данный момент проходит эволюцию

от элементарного его отождествления с антропогенным воздействием на окружающую среду до символического конструкта, имеющего только в сознании человека. Однако на сегодня компонентная структура антропологии катастрофы до сих пор недостаточно детализирована, не отработаны и не обоснованы критерии оценки этих компонентов.

В мировой науке термин «антропология катастрофы» является общепринятым и широкоупотребляемым. Он объединяет ряд тематических направлений, которые определяются согласно фактору, который привел к возникновению катастрофы. Среди таких факторов, как показало изучение зарубежных публикаций, наиболее распространёнными являются природные явления (тайфун, цунами, наводнение, землетрясение и др.) и человек (голод, геноцид, террористические акты, массовые изнасилования, вырубка лесов, затопление сёл, войны и т. д.).

Такой подход к интерпретации направлений исследования в области антропологии катастроф может быть оправданным и относительно украинских научных студий, подтверждением чего является определение понятия «катастрофа», приведенное в «Академическом толковом словаре украинского языка» (1970–1980): «Катастрофа – это: 1) внезапное бедствие, событие с тяжелыми трагическими последствиями; уничтожение, гибель, разрушение; 2) тяжелое потрясение, которое становится причиной существенного изменения, резкого перелома в личной или общественной жизни. Соединив оба эти толкования, можно трактовать «антропологию катастрофы» как научное направление, занимающееся изучением человека в условиях тяжелого потрясения, вызванного внезапным бедствием с трагическими последствиями, которое привело к резкому перелому, как в личной, так и в общественной жизни.

В частности, ярким примером такого перелома может служить переселение в послевоенные годы жителей с. Веремиевка Чернобаевского р-на Черкасской обл. с «низа» (часть села до затопления) на «гору» (часть села после затопления), в результате построения на Днестре Кременчугской гидроэлектростанции. Так, по словам жительницы этого села Переузник Марии Евдокимовны, 1938 г. р., особенно травматичным для людей был процесс переноса могил предков

на кладбище новообразованного села: «У нас на низу же були грібки. Тоді ж переносити на гору, то збивали яцики <...>. То родичі самі. Государство дало дозвіл. Ну як же, оце батьки були, викопували, а там закопували. А ті, що не закопували, то називалися «гробокopatелі», вивозили відтіля. Оце на низу вони там викопували, і тоді у нас тут на горі таку викопали траншею, і оце то «гробокopatелі» називалися. А так як, то обща могила. Хто, ми, викопав собі, а то – обща могила. Я бачила. Оце цього діда Євдокима, що я оце розказувала, він недавно закопаний був, Євдоким. То лежав у таким чорнім костюмі, то він багатий був такий. І труну вони відкрили, вони ж так витягають його. І тоді видкриваєцця кришка. А там кладбище, може отак трошки, так вони як пустили його. То там баба зробила доломіну, то кажуть «доломина». І його поклали, і привезли його сюди на кладбище, заховали. Це істино бачила. А других отак відкриють, то як оце отак, тіки вітер, воно моментально десь диваєцця, то воздух, і не стає» (Архивные научные фонды... (II), 20).

Во время экспедиции в с. Веремиевка, кроме определения степени адаптации местного населения к новым условиям, автора данной статьи интересовали особенности родильной обрядности данного населённого пункта. В исследовании осуществлён анализ местных традиционных обычаев и обрядов, связанных с периодом беременности женщины, родами, первыми определяющими этапами жизни ребёнка и т. д. В частности, во время сбора полевого материала, нами было зафиксировано ряд народных верований – примет и запретов, связанных с беременностью. Так, *беременній*³ (беременной. – С. М.) женщине запрещалось: ходить на похороны, потому что говорили, что *зійде дитина*; бить kota или собаку, чтобы ребёнок не был в шерсти; накрывать ребёнка полотенцем, чтобы он, когда вырастет, не вытирал о родителей ноги; касаться лица, испугавшись пожара, или красть ягоды, чтобы на теле ребёнка не было пятен. Относительно последнего запрета, то наряду с негативными коннотациями кражи выявлен также обычай специально воровать арбузы во время беременности, чтобы ребёнок родился красивым.

³ Тут и далее по тексту курсивом приводятся местные названия структурных элементов родильной обрядности, атрибутов, чинов и других обрядовых реалий.

Относительно определения пола ребёнка по внешности беременной, информанты отмечали: «*Як на хлопчика – дужче на обличчі орлиці* [веснушки. – С. М.], *живіт великий* (2:117). По внешним признакам также можно было сказать беременная женщина или нет: «*якщо розходяться зрачки, рябе обличчя* [в веснушках. – С. М.], *орел на лобі* [в веснушках. – С. М.], *значить при надії*» (Архивные научные фонды... (II), 15).

Во времена отсутствия больниц и профессиональной медицинской помощи роды принимали старшие женщины – *бабы бабувалы*. На обследованной территории такие бабы были на каждом углу, в частности, удалось зафиксировать воспоминания про бабу Параску, Лакэрю и Оныську. По словам местных жителей, они были наделены способностью предугадывать будущее новорожденного: «*Баба як загляне у вікно, уже побаче долю дитини*» (Архивные научные фонды... (II), 47). Если младенец рождался с обмотанной вокруг шеи пуповиной, *баба* говорила, что ребёнок будет несчастным.

В то же время, такие *бабы*, по свидетельствам информантов, могли влиять на продолжение рода роженицы: если *баба* перевязывала пуп *мáтиркою* (женский стебель конопли), дети в семье продолжали рождаться, если же *плóскиню* (мужской стебель конопли) – верили, что женщина становилась бесплодной (Архивные научные фонды... (II)). В украинской традиции подобные ритуальные обрядовые действия в практике родопомощниц не были исключением. Так, известный украинский этнолог, исследовательница места бабы-повитухи в культурно-исторической традиции украинцев Е. Боряк отмечает, что баба «...выступала знатоком женской бесплодности (как, собственно, и мужской потенции), а, следовательно, в поле её зрения попадали проблемы оплодотворения и, соответственно, контрацепции, а также аборта. Так, среди возможных магических приёмов оплодотворения упоминаются действия с использованием исключительно повивальных атрибутов: запарить три пуповины, которые отпадают от животика ребёнка и дать выпить женщине, но тайком» (Боряк 2009, 109). Как и в общеукраинской традиции в с. Веремиевка зачастую матери хранили пуповину ребёнка, и когда он шёл в школу, давали ему, чтобы развязал: если ребёнку это удавалось, в народе говорили, что он будет умным. Со слов Переузник Екатерины Андреевны, 1913 г. р.,

когда дети выросли, они приглашали *бабу*, которая *бабувала*, к себе на свадьбу и обязательно дарили ей *на сорочку* (полотно) или платок.

Фиксируем одиночные упоминания про обычай *рвати сорочку* женщине, которая стала бабушкой: после рождения внука/внучки родные или близкие шли к новоявленной бабушке, рвали на ней сорочку и дарили новую. Бабушек привлекали также и к первой детской купели, в которую чаще всего добавляли *товстушку* (лекарственное травянистое однолетнее растение, литературное название «череда трёхраздельная») и *любисток* (*любку*) – чтобы была *люб'язна и нехуда*, *шоб любили дитину*, а также *душицу*, сладкую яблоню, вишню, ромашку, сено. В полевых материалах встречаем упоминание о золотом перстне, который также необходимо было положить в купель, чтобы ребёнок стал богатым. Последний обычай, очевидно, принадлежит к значительно более поздней традиции. Если же младенец болел, воду из его купели выливали в то место, где пересекались два забора. Мужчина же, который стал отцом, согласно местной традиции, ходил *приливать дитину* (устраивал обед для мужчин).

Как отмечают информанты, в течение шести недель после родов, до *виводин* (первый после рождения ребёнка приход женщины в церковь, во время которого она получала благословение священника), роженице запрещалось выходить со двора, потому что она считалась *сырой, нэчыстою, шоб на неї ніхто не дивився, бо є ж люди на очі погані*. Первый раз посещать новорожденного с пустыми руками запрещалось, поэтому к младенцу обязательно шли с подарком – чаще всего приносили кусок белого полотна.

Крестить ребенка, *шоб Бог коло нього походив*, могли как до шести недель, так и позже. В с. Веремиевка традиционно выбирали две пары кумовьёв, хотя, по словам опрошенных, были случаи, когда брали от одной до четырёх пар. Распространённым был обычай приглашать одну пару крёстных родителей ко всем детям в семье, однако со временем эта традиция фактически исчезла. Кроме того, на обследованной территории бытовал обычай брать *стрічних кумів*: если в семье один за другим умирали дети, при рождении следующего ребенка необходимо было взять за кума/куму первого, кого встретишь на дороге.

Крёстный отец обычно расплачивался со священником, а крестная мать готовила для ребёнка *крижмо* (белое полотно). По народному поверью, если ребенок *упісяється* в церкви во время крещения, *це на погане*. По завершению церковного обряда родители ребёнка устраивали *хрестини* – праздничный обед, на который приглашенные обязательно приходили с хлебом.

Ряд табу, связанных с родильной обрядностью, касались женщин, у которых были *рубашині* (менструация). Поскольку таким женщинам запрещалось идти в церковь, их не брали в крёстные. В то же время, был зафиксирован ещё один запрет, достаточно распространённый в украинской традиции, – женщинам с *рубашиним* нельзя было до *виводин* посещать роженицу. Примечательно, что местные информанты не смогли объяснить последнего табу и возможных последствий при его несоблюдении для младенца или роженицы, тогда как наши полевые записи из Николаевской, Херсонской и Хмельницкой областей Украины содержат народные объяснения этого запрета. В частности, по свидетельству информантов из с. Лупарево Октябрьского р-на Николаевской обл., приходит *грязній* (той, у которой менструация) женщине к *сирой* (той, которая недавно родила) нельзя, потому что ребёнок будет иметь язвы на теле: «*А еслі вже прийшла, то повинна признауця, узять пиона і в пазуху всипать... Ще ж і приказує: «І ти така, і я така...»* (Архивные научные фонды... (I), 13).

На годовщину рождения ребёнка в с. Веремиевка устраивали *стрижини* – крёстные родители стригли ребенка на кожехе, после чего сжигали волосы, чтобы ведьмы его не использовали во вред младенцу. Необходимость осуществлять пострижение не раньше, чем через год после рождения ребёнка, известная украинская исследовательница родильной обрядности Н. Гаврилюк, объясняет так: «...пострижение следовало осуществлять не раньше, чем через год после рождения, иначе ребёнок будет страдать от головной боли и у него не будут расти волосы» (Гаврилюк 1981, 177).

К запретам, связанным с кормлением новорожденного, стоит отнести местное народное табу – начинать кормить ребёнка из *левой ущики* (груди. – С.М.), чтобы не был левшой. С целью отлучения ребенка от груди, веремиянки клали за пазуху щётку, рыбу голову, мазали грудь сажей. Местные женщины отмечают, что отлучая ребенка,

як удруге даси цуцку, буде скверна [дитина (ребёнок). – С. М.] на очі, ведьма буде (Архивные научные фонды... (II), 18).

Традиційно самої розпространеної дитячої хворобою вважалися крикливці. К народним методам їх лікування, по свідельству Чехун Надєжди Яковлєвни, 1915 г. р., належав звичай нести дитину к курам под насест: *«Треба взяти жита у карман і піти, як кури посідають на сідало, і треба стати коло їх і сказати: «Кури-кури куриниці, сірі, білі й попелісті, вам нате плаксивиці, а нам дайте сонливиці. Вона [мать. – С. М.] трічі так скаже..., посипте житом, вони [кури. – С. М.] пококотять, і вона обернулася і пішла, і допомогло дитині»* (Архивные научные фонды... (II), 47). Крім крикливців, розпространеною дитячою хворобою була золотуха, для лікування котрої в дитячу купель додавали *душицу* і цвіт солодкої яблони.

Як відомо, народження, весілля, смерть, будучи перехідними етапами життєвого циклу людини, достатньо часто супроводжувалися ритуально-магічними акціями, котрі, в залежності від мотивацій (на життя/здоров'я – на смерть/хвороба), могли, по народним уявленням, мати для їх виконавців полярно протилежні наслідки. Підтвердженням цього є вереміївський звичай в течение трьох днів годувати дитину, хворого енурезом, хлібом, котрий, по місцевому звичаю, несуть на *кріші* (крішці. – С. М.) *долонини* (гроба. – С. М.) за покійником. Хоча, по інших свідельствах, будь-які атрибути, пов'язані з похоронною обрядністю, живим використовувати заборонялося.

Общим для рідильної і весільної обрядності в с. Вереміївка був звичай спеціально приносити на весілля дитину, щоб невеста піддержала. Це робили, по поясненню місцевих жителів, з метою забезпечити молодим подружжям швидке продовження роду.

Коли у дитини випав перший зуб, його (зуб) необхідно було кинути на чердак. Ця обрядова акція обов'язково, по словам інформантів, супроводжувалася традиційним українським приговором: *«Мишка, мишка, на тобі кістяний [зуб. – С. М.], дай мені золотий»*.

Згідно з польовими матеріалами, на досліджуваній території на питання «Откуда я взялся?» батьки дітям частіше відповідали: *«У капусті знайшли»*. Рідше зустрічаються відповіді: *«Вода принесла»*, *«Лелека приніс»* або *«З узвоза бігла [дитина (ребёнок) – С. М.] та й упіймали [роди-*

тели. – С. М.]». Пугали дітей переважно домашнім, волками, цыганам, бандитами і Бабою-ягою.

Таким образом, полевой срез по родильной обрядности с. Веремієвка Чернобаєвського р-на Черкаської обл. України дозволяє зробити висновок про общность окремих місцевих обрядових акцій і народних віровань, зв'язаних з народженням дитини, з загальноукраїнською традицією. В той же час, можна констатувати наявність ряду локально-територіальних особливостей, які виділяють власне веремієвський родильний обряд з числа інших. Крім цього, можливість опитати значительну кількість жителів села на предмет дослідження дозволила здійснити якісний срез побуту традиційної родильної обрядності і її трансформацій, що дозволяє зробити лише монографічне дослідження цих або інших територій.

Литература

- Архивные научные фонды... (I) – *Архивные научные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского НАН Украины*. Ф. 14–5, ед. сб. 827, 41 л.
- Архивные научные фонды... (II) – *Архивные научные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского НАН Украины*. Ф. 14–5, ед. сб. 830, 130 л.
- Боряк 2009 – О. О. Боряк. *Баба-повитуха в культурно-історичній традиції українців: між профанним і сакральним*. К.: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України. 400 с. Бібліогр., 295–341.
- Гаврилюк 1981 – Н. К. Гаврилюк. *Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев)*. Киев: «Наукова думка». 279 с.
- Гайова 2005 – Є. Гайова. Дитина в обрядах і звичаях на Хустщині і Мукачівщині (із експедиційних матеріалів). *Проблеми охорони та дослідження української етнографічної спадщини* / [ред. кол.: Г. Скрипник та ін.]. К.: НАН України, Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. Рильського, 91–96 (Музей народної архітектури та побуту).
- Гілевич 2006 – І. Гілевич. Баба-повитуха у селянському житті галицької Волині у ХІХ – першій половині ХХ ст. (за матеріалами зі с. Синькова та присілка Діброви Радехівського району). *Етнічна культура українців*. Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 247–265.
- Дитина... 1906 – Дитина в звичаях і віруваннях українського народу. Матеріали з Полудневої Київщини / [зібрав Мр. Грушевський; обробив З. Кузеля]. *Матеріали до українсько-руської етнології*. Львів. Т. VIII. 1906. 220 с. Т. IX. 1907. 144 с.

Кравченко 1920 – В. Кравченко. Звичаї в селі Забрідді та по деяких інших, недалекох від цього села місцевостях Житомирського повіту на Волині. *Етнографічні матеріали...* Житомир: Друкарня «Робітник», 82–91.

Смирнова 1911 – М. Смирнова. Родильніе и крестильные обряды крестьян села Голицына Курганской волости Сербского уезда Саратовской губернии. *Этнографическое обозрение*. № 1–2, 252–256.

Svitlana Makhovska

MONOGRAPHIC STUDY OF THE VILLAGE VEREMIIVKA CHORNOBAI DISTRICT, CHERKASY REGION OF UKRAINE: FEATURES OF TRADITIONAL MATERNITY RITUAL

Summary

The basis of this article is the author's field notes on the maternity ceremonies of the village Veremiivka Chornobai District, Cherkasy Region of Ukraine. The study analyzes of local traditional customs and rituals associated with the period of a woman's pregnancy, childbirth, the first to determine the stages of a child's life, including folk beliefs – will and prohibitions related to pregnancy was implemented. Applying the monographic research method, the researchers recorded a current state of Ukrainian ethno-cultural heritage, retraced a transformation of the maternity ritual due to influence of the social factors, and investigated a scope of national historical memory.

In the cycle of family rites birth of a child is one of the key places. Just like a family (which demonstrates the wedding rites), the appearance of the infant light in the Ukrainian tradition accompanied by a series of ritual and magic actions, local features which require comprehensive study, not only regionally, but also within the same village.

Monographic study of the village as the direction of the collection of ethnographic materials formed in the middle of the XIX century. In 1920 years its employees are actively developing the Ethnographic Commission of the Ukrainian Academy of Sciences. Applying the method of stationary studies, they were able to gather and organize ethnographic material, which is an invaluable resource for researchers, ethnologists. Also,

attempts have been made to publish a comprehensive study of the village, but these plans have interrupted the repression of the 1930 years. In the postwar years, Ukrainian ethnographers continued to hold steady research, but in the second half of the 1960 years this method is almost never used by scientists. Ukrainian village as an authentic way of existence of the Ukrainian people falls under the influence of globalization processes and loses any cultural and spiritual features and are increasingly forced into marginal plane. Therefore, the study of culture and everyday life of the Ukrainian village population at the present stage of development of science is the first step towards its revival.